

ВИКТОР БЫЧКОВ

**Дебил из 9 «А»
класса**

СОВРЕМЕННАЯ ДЕТСКАЯ ПОВЕСТЬ

Виктор Бычков

Дебил из 9 «А» класса

«Издательские решения»

Бычков В.

Дебил из 9 «А» класса / В. Бычков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747288-7

Мальчика из коррекционной школы переводят в 9 «А» класс общеобразовательного учебного заведения. Он посещает тяжело больную девочку, которую «забыли» навестить бывшие одноклассники. Поступок мальчика вызывает протест в классе.

ISBN 978-5-44-747288-7

© Бычков В.
© Издательские решения

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дебил из 9 «А» класса
Современная детская повесть
Виктор Бычков

© Виктор Бычков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Я стою под дверью учительского кабинета. Ну почему меня не приглашают? Странно всё это. Мама зашла туда давно, и тишина. О чём можно так долго говорить?

А стою я здесь потому, что меня перевели в эту обычную общеобразовательную школу из коррекционной.

Почему я там учился? Плохо со зрением – глаза «косят» помимо моей воли, «сбегаются» на переносицу. Ношу очки со специальными корректирующими линзами. Врачи говорят, что если зрение не выправится, то будут на следующий год делать операцию на глазах. Хорошего мало, но куда деваться. Ни я первый, ни я последний.

В старой школе подобных мне было много. Несколько учеников были совершенно слепыми, или, если более корректно, – незрячими. Именно под них создавалась вся инфраструктура школы. Правда, там учились и обычные, здоровые ребята из микрорайона. И между учениками не было различий. Мы были равны. По крайней мере, я не замечал неравенства и ощущал себя на равных среди слепых и зрячих, среди больных учеников и здоровых, чувствовал единым целым со всем школьным коллективом. Хорошая была школа, чего зря говорить. Меня все знали, я всех знал.

А ещё я заикаюсь. Ну, не так уж, чтобы очень, но когда волнуюсь, то заикаюсь сильно. Периодически прохожу лечение, постоянно наблюдаюсь у логопеда. Да и сам всячески стараюсь преодолеть этот недостаток. Получается, но не до конца. Однако тешу себя надеждой, что в один прекрасный момент всё встанет на свои места, и я буду говорить легко и непринуждённо.

В бывшей школе я особо не придавал значения этому дефекту моей речи. Да, заикался при ответах на уроках, заикался в беседах с товарищами. Куда же без этого заике? Однако и учителя, и ученики относились к этому с пониманием, поэтому я чувствовал себя вполне комфортно.

Там к любому относились таким же образом. Хорошо было в той школе, хорошо!

Помимо учёбы нас, больных ребятшек, «вели» врачи, наблюдали каждый день, лечили. Другими словами, рай в отдельно взятом учебном заведении.

Однако взрослые дяди и тётки почему-то решили коррекционную школу закрыть, а нас, сирых и убогих, растолкать по другим общеобразовательным учебным заведениям областного центра. И назвали этот процесс оптимизацией.

Ну-ну, посмотрим, с чем её едят оптимизацию эту.

Вот поэтому я и стою под дверью учительской в новой школе, общеобразовательной, подпираю стену, глазею по сторонам, жду, когда меня поведут в мой новый класс, представят будущим одноклассникам.

Правда, и на меня глазеют местные аборигены, вернее, аборигенки, изучают пока только визуально.

По коридору в мою сторону идут две девчонки. По виду – старшеклассницы. Класс одиннадцатый. Выпускницы. Одеты вызывающе и откровенно. Впрочем, им есть что демонстрировать в отличие от меня, худого и длинного. Сам понимаю, что не «качок», не объект для девичьего восторга, чего уж. Руки-плети свисают вдоль туловища; тощий, да впридачу и очкарик. И, как венец несовершенства, – бледное, вытянутое, прыщавое лицо.

«Глиста» – иногда называли меня одноклассники в той школе. Но без унижения, любя. Я это чувствовал и не обижался.

А ещё бабушка с мамой называют меня каждая отдельно, но обе одинаково: «горе моё луковое». Я знаю, что они безумно любят «своё горе», и «горе» любит их тоже.

И ещё...

Отца у меня нет. Но, если быть до конца честным и точным, то где-то он есть, сосуществует в параллельном мне мире, который с моим миром не пересекается. Где его мир? Не знаю. Но хотелось бы взглянуть, поговорить, пообщаться. Всё же родная кровь. Помню его очень смутно, когда-то он жил с нами.

На неоднократные расспросы в пору моего взросления, где и чем занимается родитель, мои женщины всегда отвечали уклончиво. Говорили, что проживает где-то в области. Потом всё же и род занятий определили:

– Собакам сено косит, – по образному выражению бабушки.

Мама не опровергала.

Вопрос был исчерпан.

Ну, вот, обо мне почти всё.

А сейчас снова о девушках-старшеклассницах и школьном коридоре...

Если судить по одежке этой пары, то за внешним видом школьников в данном заведении никто особо не следит. Вопрос школьной формы здесь, судя по всему, отложен до лучших времён. И хорошо. Демократия, однако.

– Хм, ты глянь, уставился, смотрит в четыре глаза! – хмыкнула та, что правее, которая ближе ко мне. – На выставку привела мама, выюнош? Чего пялимся, сынок? – слегка, будто нечаянно, толкнула локтем в живот и смерила меня уничижительным взглядом.

Я плотнее вжался в стенку, стараясь слиться с расписанием уроков.

Но не тут-то было.

Остановились, разглядывают.

Та-а-ак, однако, и мне не стоит глазеть на них, ещё чего подумают.

Отворачиваюсь в другую сторону, делаю вид, что они меня совершенно не волнуют и не интересуют. И вообще, я ни я, и меня здесь не стояло.

– Почему не здороваешься, деточка? Тебя не учили вежливости в обращении со старшими? – спросила другая девица назидательным тоном, дёрнув меня за рукав.

«Спокойствие, – себе думаю, – только спокойствие!». А сам уже втянул воздух, постарался говорить на выдохе, как требует врач-логопед, чтобы не заикаться.

– А-а разве здесь дом престарелых, бабушки? – выдохнул я. – В-в процедурный кабинет ползёте? На клизмы? Н-не страшно? – выдал я длинную тираду почти на одном дыхании и на пределе речевых способностей.

Вроде удалось. Можно продолжить.

– И вообще, бабули, не приставайте к малолетке – это наказуемо.

– Ты смотри: новый Петросян объявился, – съязвила первая дама.

– Н-нет! – очередной вдох-выдох с моей стороны. – Я только учусь.

– О-о-о! – почти хором выдохнули мои собеседницы.

Чувствую, что глаза подвели меня чуть-чуть в этот раз, «забежали» не ко времени, потому как фигуры девчонок раздвоились.

Судя по всему, дамы заметили глазной «забег». Да и произношение моё они тоже заценили по достоинству.

– Да ты не клоун. Ты – дебил! – это уже первая дева, презрительно фыркнув. – Пошли, что с ним говорить, – тронула подругу, увлекая вдоль по коридору, успев на прощание спародировать меня:

– Д-д-д-дебил!

Ушли, гордо и величественно неся свои прелести.

Я перевёл дыхание.

Вроде отбился. Зато всё встало на свои места. А я-то тешил себя мыслью, идеалист.

«Здесь вам не тут», – почему-то сразу вспомнилась армейская шутка соседа по лестничной клетке Шурки Кривенкова. Он её применяет к месту и без оного. У меня в данный момент это изречение, этот армейский перл пришёлся к месту.

«Значит, дебил. Это тебе, дружок, не коррекционная школа. Увы! Ну, что ж... переживём как-нибудь, – успокаиваю себя. – С чего, с какого испугу мне кто-то должен ковровую дорожку стелить здесь, изъясняться в любви? Будь готов ко всему. Вон, во дворе и не такое бывает, и ничего, живу».

А вот и звонок.

Крики, шум, топот – всё, как обычно на перемене. Не лучше и не хуже чем в бывшей школе.

«Ну, где же мама? Когда уже...», – додумать не успел.

Дверь учительской открылась, в проёме появилась дородная тётя. За спиной маячило уставшее и немного испуганное лицо мамы. Она всегда пугается всего нового. Очень уж переживает за сына, за меня, то есть. Чего переживать?

– З-здравствуйте! – на всякий случай поздоровался, и даже слегка отвесил поклон.

– А-а, стоишь?! – не заметила и не оценила моего услужливого рвения и вежливости тётя. – Стой-стой, сейчас пойдём в класс.

– Всё хорошо, сынок, – мама ободряюще похлопывала меня по спине, преданно глядя на дородную женщину. – Документы, вот, всё хорошо. Это мой сын, вот, – и, вроде как подтолкнула меня навстречу тёте, знакомила заискивающе:

– А это, сынок, завуч, вот, – с волнением продолжала мама. – Наталья это... Васильевна, вот, очень приятно, вот.

– Да-да, конечно, – завуч нас уже не слушала и на нас не смотрела: ухватив под руку подошедшую учительницу, она устремила с ней куда-то в сторону гардеробной.

И мы с мамой остались одни.

Вокруг всё шумело, кричало, бежало, летало, орало – школьный коридор продолжал жить своей жизнью на очередной перемене. И никому не было дела до сиротливо стоявшей у дверей учительского кабинета женщины с мальчишкой. Хотя, если честно, сыну очень хотелось быстрее стать частичкой этого школьного хаоса. Впрочем, и мать желала для отпрыска того же страстно.

– И хорошо, хорошо, – в который раз убеждала меня мама. – Рядом с домом. Не надо будет подниматься так рано. Во дворах. Дорогу переходить не надо. Поспишь лишний часок, вот. Хорошая школа, очень хорошая. Наталья Васильевна говорит, что здесь учится внучка губернатора и сын мэра города, вот. Почти элитная, вот. Спасибо, нас взяли, вот, – мама опять начала волноваться. А когда она волнуется, то часто произносит слова-паразиты. – Ты уж смотри, сынок, постарайся, вот, – а сама достала платочек, прикладывала к глазам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.